

Глава X. "Отчего я прослыл скандалистом». (1923-1924)

*Ах, родина! Какой я стал смешной.
На щеки впалые летит сухой румянец.
Язык сограждан стал мне как чужой,
В своей стране я словно иностранец.*

1. Разрыв с Айседорой Дункан

После отъезда Есенина и Айседоры в их зарубежную поездку Галя писала, что несмотря на ее бесконечную преданность Сергею, она ничто после Дункан. Боязнь Бениславской была оправдана и девушка решила порвать еще теплившуюся связь между босоножкой и Есениным. Галя знала, что почти ежедневно Есенин получал телеграммы от Айседоры, в которых покинутая женщина звала мужа к себе. Телеграммы эти его дергали и нервировали до последней степени, напоминая о неизбежности предстоящих осложнений, объяснений, быть может, трагедии. Есенин пытался выкрутиться и придумывал, как бы это кончить сразу. Галя тоже приложила к этому руку, в результате чего Есенин отправил Дункан телеграмму следующего содержания: "Я люблю другую женат и счастлив Есенин», которая привела Айседору в бешенство. Она назвала в ответной телеграмме Бениславскую "прислугой" и хотела тотчас же мчаться в Москву. «Вы ее не знаете, – говорил Есенин Гале, – она на все пойдет».

Близился срок возвращения Дункан. Сергей был в панике, хотел куда-нибудь скрыться, исчезнуть. По приезде Айседора приложила все усилия, чтобы найти упрямого поэта. Но его нигде не видели:, ни на его прежней квартире, ни в его излюбленных кафе на Тверской. Ни один из его друзей, по-видимому, не знал, что с ним случилось, а если кто и знал, то был очень осторожен в сообщении сведений, боясь навести на его след. Начались бесконечные сплетни, которые услужливые прихлебатели Есенина и Дункан передавали им обоим. Сергея все это дергало и озлобляло. Тогда «приятели» стали уговаривать его поехать к ней «объясниться и расстаться «по-хорошему». Сплетничали, что Есенин якобы прихватил "миллионы" Дункан, хотя после заграницы у Есенина были одни долги, дико возраставшие благодаря тому, что он сам пил и поил свою братию, воздававшую ему хвалы. Сергей из

ложного самолюбия пускал пыль в глаза, и о безденежье его почти никто не догадывался. Только видели, что он добросовестно меняет каждый день костюмы — единственное богатство, привезенное из Парижа.

И все же Есенина подсознательно тянуло к Дункан, и он часто предлагал своим собутыльникам поехать к ней. Однажды с огромным букетом цветов появился в театре Зимина, где выступала Айседора, долго объяснялся и ругался с контролером, требуя, чтобы его пропустили, твердя, что он муж Дункан. При виде Есенина Айседора бросилась ему на шею. Но несмотря на это, когда ночью в «Странствующем энтузиасте» Дункан ужинала в компании артистов, Сергей сидел за другим столиком в обществе двух дам и к жене своей не только не подошел, но и не взглянул на нее. Айседора была возбуждена и жадно пила вино из всех бокалов. Опыаненная и страдающая танцовщица просила продолжать кутеж, нервно крича: "К чиган, к чиган".

Когда Бениславская заставляла Есенина в "Стойле" в компании Дункан, то Сергей всегда говорил полупшепотом: «Галя, ничего, понимаете, ничего не изменилось. Так надо. Я скоро приду. И деньги берите здесь, как всегда. И вообще, все по-прежнему».

Это был период, когда Есенин, по словам Бениславской "был на краю, когда он иногда сам говорил, что теперь уже ничто не поможет, и когда он тут же просил помочь выкарабкаться из этого состояния и помочь кончить с Дункан. Говорил, что если я и Аня его бросим, то тогда некому помочь и тогда ему будет конец". Бениславская искренно хотела помочь Сергею. Она откровенно признавалась Сахарову: "Хоть бы женщина такая встретилась, чтобы закрутила ему голову как следует, подчинила его себе, может быть, это его спасет».

Друзья уговаривали Бениславскую бросить Есенина, настойчиво убеждали ее, что Есенин безумно любит Дункан и незачем его уводить оттуда, все равно он к ней вернется. И пьет он сейчас из-за любви к Дункан. Однако девушка решила бороться до конца за свою любовь. Тем более что сам Есенин сказал Гале как-то ночью о своем отношении к Айседоре: "Была страсть, и большая страсть, целый год это продолжалось, а потом все прошло — и ничего не осталось, ничего нет". После этого разговора Бениславская нашла Сергея в «Стойле» в каком-то кошмарном состоянии. Есенин весь дрожал, все время оглядывался, скрежетал зубами и повторял все время: «Надо поговорить, не уходите только». Окружающая его компания усиленно спаивает Сергея. На просьбу Гали не пить издерганный Есенин бормочет: «Да, да, не буду. Надо поговорить. Меня будут тянуть к Изадоре — а вы не пускайте. Ни за что не пускайте,

иначе я погиб».

Необходимость разрыва с Айседорой назрела. Наконец, приняв окончательное решение, Есенин напился пьяным в "Стойле", прихватил с собой Катю и поехал объясняться с Айседорой. Появившись на Пречистенке, Сергей учинил такой скандал, что Шнейдер, с завистью относившийся к Есенину, выставил его из дома и позже написал ему письмо, в котором говорилось: «Не считаешь ли ты, что это дурной вкус — орать в комнате Изадоры при всем народе о своей любви с другой женщиной и как еще две забеременели от тебя?» Однако скандал оказался липовый. Через два часа Есенин с сестрой вернулись на Брюсовский и с хохотом вперебой рассказывали, как Катя не дала Дункан даже поговорить наедине с Сергеем, как Шнейдер пробовал удерживать, а Есенин напугал его, прикинувшись очень буйным.

Это была последняя встреча с Дункан. "Один узел был распутан, – писала Бениславская, – или разрублен – не знаю, как верней". Бениславская уже предвкушала победу, но Есенин колебался, окруженный женщинами. Встретив Миклашевскую случайно на улице возле Тверского бульвара, он соскочив с извозчика, подбежал ко ней со словами:

– Прожил с вами всю нашу жизнь. Написал последнее стихотворение»:

Вечер черные брови насопил.
Чьи-то кони стоят у двора.
Не вчера ли я молодость пропил?
Разлюбил ли тебя не вчера?

А потом стал жаловаться, вспоминая свою первую жену:

– Анатолий все сделал, чтобы поссорить меня с Райх, а сам женился и оставил меня одного.

Разрыв с Зинаидой Райх до сих пор терзал и тревожил его. Как ни странно, но Райх осталась в сердце Сергея надолго. После развода, Зинаида, оставив детей на попечение бабушки и дедушки в Орле, снова приехала в Москву и поступила на актерские курсы в театральные мастерские, которыми руководил Мейерхольд. Знаменитый режиссер был немолод, утомлен и болен, но Райх было все равно. "Она пережила тяжелую драму разрыва с мужем, – вспоминает А. Гладков, – и вела полунищее существование с двумя маленькими детьми».

В 1922 году Зинаида Николаевна вышла замуж за Мейерхольда. Узнав об этом, Есенин, несмотря на бурное увлечение Дункан продолжал встречаться с женой на квартире Зинаиды Вениаминовны Гейман. Сын Есенина Константин Есенин вспоминал, что Всеволод Эмильевич узнал об этих встречах и имел серьезный разговор со сводней. «Вы знаете, чем все это кончится? Сергей Александрович и Зинаида Николаевна снова сойдутся, и это будет новым несчастьем для нее».

Перед отъездом Есенина и Дункан за границу они встретились на Пречистенке — Сергей Александрович с Айседорой и Всеволод Эмильевич с Зинаидой. "После общей беседы, – вспоминает дочь Есенина Татьяна Сергеевна, – мои родители заявили, что им необходимо поговорить наедине о своих детях. Им предоставили такую возможность. Мать с улыбкой говорила, что Айседора очень нервничала, подходила к двери и спрашивала на ломаном русском языке: «Сережа, ты скоро?»

Айседора ревновала, ревновал и Мейерхольд. Причем муки ревности последний испытывал куда более сильные. «Его страстная любовь приняла болезненный оттенок под влиянием характера и поведения Райх, – пишет Юрий Елагин. – Мало-помалу его ревность развилась и приняла фантастические размеры... Он ревновал Райх ко всем, к кому только можно было ревновать... Часто он устраивал бурные сцены, не стесняясь присутствием друзей и знакомых».

Замужество за известнейшим режиссером дало возможность Зинаиде Райх играть первые роли в его спектаклях. На следующий день после своей свадьбы Мейерхольд спросил у Мариенгофа:

– Как ты думаешь, Анатолий, она будет знаменитой актрисой?

– Кто?

– Зиночка.

Мариенгоф вытаращил глаза:

– Почему актрисой, а не изобретателем электрической лампочки?

"Райх актрисой не была, – говорил Мариенгоф, – ни плохой, ни хорошей. Ее прошлое – советские канцелярии... Не любя Зинаиду Райх (что необходимо принять во внимание), я обычно говорил о ней:

– Эта дебилая еврейская дама».

Щедрая природа одарила Райх чувственными губами на лице, круглом, как тарелка. Одарила задом величиной с громадный ресторанный поднос при подаче на компанию. Кривоватые ноги ее ходили по земле, а потом и по сцене, как по палубе

корабля, плывущего в качку. Вадим Шершеневич в одной из своих рецензий после очередной мейерхольдовской премьеры нагло скаламбурил: «Ах, как мне надоело смотреть на райхитичные ноги!» Эпоха, к счастью, была не чересчур деликатной.

Во второй рецензии он написал еще наглей: «Конечно очень плохо играла Зинаида Райх. Это было ясно всем. Кроме Мейерхольда. Муж, как известно, всегда узнает последним».

Хорошей актрисой Зинаида Райх, разумеется, не стала, но знаменитой — бесспорно. Свое черное дело быстро сделали: во-первых, гений Мейерхольда; во-вторых, ее собственный алчный зад; в-третьих, искусная портниха, резко разделившая тот зад на две могучие половинки".

Однако Есенин заходил в дом Мейерхольдов на Новинском бульваре уже не ради зада своей первой жены, а чтобы встретиться с детьми, к которым ощущал периодически находящую на него любовь. Увидев детское личико на шоколадной обертке Есенин с детским личиком смахивает слезу: «На Костю похож...». Часто приговаривал, проходя мимо дома на Новинском: «Здесь я жил когда-то. И у меня была семья». Карточку Тани и Кости постоянно носил с собой кармане пиджака, подолгу смотрел на них. Однажды ночью стучался в квартиру Мейерхольда, просил, чтобы показали ему детей. Зинаида Райх с мужем вынесли на руках спящих Таню и Костика. Есенин плача их расцеловал и тихо покинул квартиру. Потом самого утра сидел на скамейке Новинского бульвара и говорил своему приятелю: как же так могло случиться, что они не с ним?"

2. "Антисемитские " скандалы и драки

Возбужденное состояние Есенина, его метания, частые пьяные скандалы привели к серьезным обострениям с окружающими людьми. Вечером 15 сентября Есенин поссорился с каким-то посетителем "Стойла", который, по словам поэта, глубоко обидел его друзей. Есенин замахнулся бутылкой и облил пивом или опрокинул бутылку на чьем-то столике. Затем, "будучи в нетрезвом виде, — как в потом утверждал поэт, — схватил стул, хотел ударить, но тут же прибыла милиция и я был отправлен в отделение". На следующее утро Есенин, отвергнув все обвинения в оскорблении милиционеров, был освобожден. Дома Сергей сразу лег спать после сильного нервного напряжения. Через два дня лежания в кровати — снова кутеж, снова пьянство всю ночь,

и снова, больной и измученный, он лежит в постели, пока кто-нибудь из «друзей» не утащит его в «Стойло», чтоб выпить на его счет.

Есенин не печатался и почти не выступал. Все время проводил с "друзьями", особенно с Ганиным, Клычковым и Орешиним. И все они старались пожить за счет Есенина, приодеться из вещей, привезенных им из Америки. Сам Сергей в это время жил исключительно на деньги из «Стойла». А там давали редко и мало; потому он был весь в долгах и без гроша в кармане. Друзья же звали его обедать в "Стойло", где каждый заказывал, что хотел, и счет Есенина в один вечер вырастал до того, что надо было неделю не брать денег, чтоб погасить его. Напоив его и наевшись сами, они, более крепкие и здоровые, оставляли невменяемого Сергея где попало и уходили от него. Единственный из всей этой братии – Марцел Рабинович – не бросал Есенина одного. Он, как нежная, добрая нянька, привозил Есенина домой, в каком бы виде и месте тот ни был, Марцел, сам голодавший, не раз выручал Галю и Аню в особо трудные дни, где-то доставая нам деньги, ни разу не попросил «взаймы» и никогда не бросал Есенина, как это делали другие.

Ганин и Клюев резко воздействовали на неустойчивую психику поэта. Ганин, приехав в Москву, рассчитывал на то, что его будут печатать, однако ни работы, ни поэтического признания он не получил. Стал пьянствовать, нюхать кокаин и совсем обозлился, что таких, как он, поэтов, русских «поэтов», не принимают. Начались постоянные разглагольствования о "жидах", захвативших власть в России, мечты о перевороте и списки будущих министров. Ганин пил сам и спаивал Есенина, который становился очень раздраженным и болезненно подозрительным. Клюев также, жалуясь на свою тяжелую жизнь, повторял: «Жида правят Россией» — потому «не люблю жидов». "У Сергея Александровича что-то оборвалось, отмечала Назарова, – казалось, он сделался юдофобом, не будучи им по натуре. «Жид» для него стал чем-то вроде красного для быка".

Есенин никогда не был антисемитом, хотя некоторое понимание реальности у него было. А реальность заключалась в том, что большевики, захватившие власть в России, были по национальности практически все еврейского происхождения: Троцкий, Каменев, Зиновьев, Свердлов и другие. Из 556 крупнейших руководителей различных ведомств, от учреждений культуры до ГПУ, 448 были евреями. Есенин понимал ситуацию, сложившуюся в России, и выразил ее в своем стихотворении "Снова здесь дерутся и плачут..." еще в 1922 году:

Защити меня, влага нежная,
Май мой синий, июнь голубой.
Одолели нас люди заезжие,
А своих не пускают домой.

И действительно, после революции первое впечатление у русского человека, традиционно, без всякой злобы, называвшего еврея "жидом" и привыкшего видеть его портным, ростовщиком или коммерсантом, было удивление, что вся новая власть по происхождению, в основном, евреи.

Вращаясь в эсерских кругах, Есенин по-дружески относился к еврейской интеллигенции и революционерам-евреям. Многие друзья его были евреями, и любовницы его были еврейками. Однако после возвращения в Россию, огорченный нападками на его поэзию и находящийся в состоянии невротической депрессии, Есенин, по словам, Бениславской, "обиделся и за то, что даже в своей области, в поэзии, не он хозяин. Кого винить? Советскую власть, которую ждал, которую приветствовал, – невозможно. Но виновник нужен. Искать долго не пришлось – кстати, попал в окружение Клычковых, Ганиных, Орешинных и Наседкиных (много их у нас на Руси). У них все ясно – жида, кругом жида виноваты. Во всем виноваты: не печатают стихов, гонорар не сыпется, как золотые монеты из сказочного ослика, слава и признание не идут навстречу – во всем жида виноваты".

Большую роль в изменении отношения Есенина к евреям сыграли Ганин и Клюев. По воспоминаниям Миклашевской Клюев говорил, "что стихи Есенина сейчас никому не нужны. Это было самым страшным, самым тяжелым для Есенина», и все-таки Клюев продолжал твердить о ненужности его поэзии. Договорились до того, что, мол, Есенину остается только застрелиться". Сам Клюев за большой славой не гнался, но простить Есенину его удачи не мог. Под воздействием юдофобских разговоров "мужиковствующих" поэтов, Есенин проникся какой-то резко выраженной великодержавностью.

Как отмечает Ст. Куняев, "пожалуй, ни до, ни после этого времени Есенин не подчеркивал свою русскость с таким нажимом, бросая открытый вызов "людям заезжим". Зная особенность Есенина высказывать в пьяном виде все свои подсознательные страхи, желания и претензии, публичное столкновение на почве

"антисемитизма" не заставило себя долго ждать.

Двадцатого ноября 1923 года Есенин, Ганин, Клычков и Орешин ходили в Госиздат, где вели переговоры об издании своих стихов. После этого они заскочили в какую-то пивную. Там "мужиковствующие" не только угостили его захваченной с собой водкой, но еще смешали ее с пивом, то есть, как это называют, поднесли ему «ерша». Сергей в отличие от своих собутыльников моментально захмелел. В пивную вошел с девушкой молодой человек в черной кожанке, чекист Марк Родкин. Они заняли столик неподалеку от четырех поэтов. "Святая троица» начала подлый разговор, – пишет М. Ройзман, – всячески вызывая Есенина на активное действие против молодого человека. Они заметили рядом сидящего гражданина, напряженно слушающего их разговор. Ганин кивнул Есенину на незнакомца. Прямолинейный Есенин громко произнес фразу, чтобы услышали все:

– Плесните ему пиво в ухо!"

Завязался неприятный разговор, в результате которого Родкин назвал поэтов "мужичьем", "русскими хамами". В ответ Есенин обругал чекиста "жидовской мордой". Родкин позвонил в милицию, а "мужиковствующие" вскочили с места и, не заплатив по счету, бросились к выходу. Официанты и швейцар преградили им путь. Через десять минут приехала машина и четырех поэтов увезли.

То, что Ганин решил спровоцировать Есенина, не подлежит сомнению. Конечно, допрошенные раздельно Есенин, Клычков, Орешин и Галин показали, что они между собой никаких антисемитских разговоров не вели. Наиболее правдивым было показание Есенина «...во время разговоров про литературу вспоминали частично т.т. Троцкого и Каменева, говорили относительно их только с хорошей стороны то что они-то нас и поддерживают. О евреях в разговоре поминали только мы в русской литературе не хозяева и понимают они в таковой в тысячу раз хуже чем в черной бирже, где большой процент евреев обитает и специалистов". Аналогичные показания дали остальные задержанные. Трудно сказать, кто прав был в этой ситуации. Современные исследователи утверждают, что это была провокация со стороны ГПУ, хотя вряд ли чекисты послали своего сотрудника в какую-ту пивную с заданием спровоцировать скандал. И то, что очередной оскорбленный еврей оказался чекистом – могло быть чистой случайностью.

Столкновение с милицией было не впервой Есенину, однако положение было крайне неприятное. Поэты выступили в «Правде» с возмущением против провокации,

которую в отношении их провели недобросовестные люди. Однако, некоторые рософобски настроенные еврейские руководители начали в газетах травлю Есенина, обвиняя его в "антисемитизме". Особенно старался журналист Лев Сосновский – ярый русофоб. Затем подключился Борис Волин-Фрадкин, прибравший к своим рукам ряд московских газет и журналов, в которых ежедневно публиковались оскорбительные материалы о происшедшем скандале.

Трудно сказать, чем бы закончилось дело «четырёх поэтов», если бы не решение товарищеского суда Союза писателей. Он состоялся 2 декабря в 6 часов вечера и продолжался до утра. На защиту поэтов встали литераторы-евреи. Обвинителем на суде был Лев Сосновский, ярый противник Есенина и "русского", "крестьянского" направления в поэзии. Несмотря на яростные нападки журналиста, товарищеский суд Союза писателей, в составе которого были и евреи, ограничился осуждением поведения Есенина, Клычкова, Ганина и Орешина. Одновременно он осудил Льва Сосновского за подстрекательские статьи, разжигание межнациональной розни и также вынес ему порицание.

Борисов-Шерн вспоминает, как после суда Есенин пришел в редакцию "Красной нови" и, сдерживая гнев, говорил:

– Разве я антисемит? Моя первая жена – еврейка, друзья мои евреи, еврейского поэта Мани-Лейба я пропагандирую в России... Нет у меня антисемитизма.

Есенин перекрестился, что иногда делал в подтверждение правдивости своих слов.

Дело "четырёх поэтов" заслонило перед общественностью тот факт, что Есенин благожелательно и восторженно относился к поэзии Мани-Лейба, Давида Гофштейна и Переца Маркиша в своей статье "Железный Миргород". Относя их творчество к "жаргонной культуре", он писал об их "красивых талантах" и утверждал, что среди еврейских поэтов выдвигается несколько имен "мировой величины". Как бы в ответ Есенину в конце 1923 года в еврейской газете была опубликована поэма «Инония» в переводе на идиш поэта Самуила Галкина. Сергей не выпускал газеты из рук, показывал ее друзьям и знакомым, говорил, что никогда его стихи не перевели и не напечатали, если бы верили в то, что он питает антипатию к евреям.

Зато презрительное отношение у Сергея действительно было к тем еврейским литераторам типа Иосифа Уткина, которые, не понимая и не зная русской жизни, получила статус "русских поэтов", которые нагло врывались в литературу, воспевая то,

что нужно было власти. Даже Бениславская отмечала, что "Сергей Александрович очень нетерпимо относился ко всем инородцам, пишущим не о своем национальном, а «лезущим» в русскую литературу".

Обвинения в "антисемитизме" Есенина были абсурдны и лишены всякой логики. Вся эта компания об "антисемитизме" Есенина, раздутая в прессе, имела под собой, скорее всего, желание определенных партийных кругов опорочить Есенина в глазах общественности и тем самым бросить тень на Льва Троцкого, который поддерживал поэта. После суда Есенин ходит как оплеванный. Друзья вдвойне к нему внимательны, заботливы: еще совсем сопьется, вот и стараются оттянуть его подальше от тех троих. Вся эта травля вызвала у Есенина нервный взрыв. Его невротическое состояние грозило перейти в помешательство. "Вспыхнувшее общее негодование он воспринял как организованный поход евреев против него, – пишет Бениславская, – каждый любопытный взгляд, который он раньше не заметил бы, ему казался враждебным и подозрительным. Мания преследования ясно начала проглядывать из этого кошмарного пьяного бреда. Это бредовое озлобление грозило укрепиться".

Есенин находился в состоянии сильнейшего краха своих претензий на всеобщее признание его таланта и его первенства. Отсюда размолвка с "мужиковствующими" по вопросу главенства в новом журнале, "антисемитский" скандал, разрыв с Мариенгофом и Клюевым. Даже Миклашевская удивлялась, что было общего у Сергея с Клюевым и с Мариенгофом, "которого он очень любил... Оба они почему-то покровительственно поучали Сергея, хотя он был неизмеримо глубже и умнее их". Есенин и сам чувствовал это, неоднократно проявляя своё отношение к ним в поведении и словах.

Ущербленное самолюбие Есенина разыграло, когда не получилось отметить 10 декабря десятилетие его поэтической деятельности. Есенин даже составил по этому поводу проект записки в Совнарком. Ждал, что Союз поэтов организует празднование юбилея, с раздражением доказывая свое право на чествование: «А, да. Когда умрешь, тогда – памятники, тогда – чествования. Тогда – слава. А сейчас я имею право или нет... Не хочу после смерти, на что тогда мне это. Дайте мне сейчас, при жизни. Не памятник, нет. Пусть Совнарком десять тысяч мне даст. Должен же я получить за стихи». Именно в этот день Есенина загребли в милицию как простого уголовника, и он отметил свой юбилей на нарах в отделении.

А тут еще одна "новость". Надя Вольпин сказала ему при очередной встрече, что

у нее будет ребенок. Сергея это не порадовало – у него уже есть дети, и с ними он разлучен. Надя говорит, что отнюдь не рассчитывает на брачные узы: вряд ли возможно совместить две такие задачи – растить здорового ребенка и отваживать отца от вина. Есенин предлагает ей избавиться от ребенка, говорит, по воспоминаниям Вольпин, что "вряд ли, мол, я со всей ясностью представляю себе, насколько ребенок осложнит мне жизнь". Разговор получился сложный и волнующий.

3. Развитие невротической подозрительности

Все эти обиды, обвинения в "антисемитизме", травля, тяжелый разрыв с Дункан, постоянное пьянство, ребенок от Нади не прошли для Сергея даром. 17 декабря он лег на отдых в санаторий для нервных больных (Большая Полянка, 52). Внешне Есенин держался хорошо, всегда ходил в прекрасно отутюженном сером костюме. Но внутри себя Есенин спокоен не был. Все его друзья постоянно навещали уставшего и издерганного Есенина. Приходила Айседора Дункан, Галя Бениславская, забредали и собутыльники его: Лёня Глубоковский, Марцел Рабинович, Александр Сахаров, Ганин. Звали Сергея на волю, снова выпить. Пришла и отяжелевшая Надя Вольпин. Замечает, что Сергей за этот короткий срок очень посвежел, окреп. Сергей поясняет: «скучновато, конечно». "Еще бы! – печально думает Надя, – Непривычно затянувшаяся трезвость. А вот долго ли ты ее стерпишь, мелькает в уме". Приходили и друзья-имажинисты, Матвей Ройзман и Рюрик Ивнев, который замечает отнюдь не радужную картину есенинского спокойствия и благодушия. "На вид Есенин был совершенно здоров, – писал Ивнев. – Во время разговора мы сидели у окна. Вдруг Есенин перебил меня на полуслове и, перейдя на шепот, как-то странно оглядываясь по сторонам, сказал:

– Перейдем отсюда скорей. Здесь опасно, понимаешь? Мы здесь слишком на виду, у окна... Я удивленно посмотрел на Есенина, ничего не понимая. Он, не замечая моего изумленного взгляда, отвел меня в другой угол комнаты, подальше от окна.

— Ну вот,— сказал он, сразу повеселев, — здесь мы в полной безопасности.

— Но какая же может быть опасность? — спросил я. — О, ты еще всего не знаешь. У меня столько врагов. Увидели бы в окно и запустили бы камнем. Ну и в тебя могли бы попасть. А я не хочу, чтобы ты из-за меня пострадал.

Теперь я уже понял, что у него что-то вроде мании преследования, и перевел разговор на другую тему...

Потом он вдруг, без всякой видимой причины, опять впал в какое-то нервное состояние, опустив голову, задумался и проговорил сдавленным голосом:

— Все-таки сколько у меня врагов! И что им от меня надо? Откуда берется эта злоба? Ну, скажи, разве я такой человек, которого надо ненавидеть?"

Психоаналитики объясняют такие взрывы тем, что подсознательная самоидеализация и самолюбивая гордость делает невротика сверхчувствительным к критике и отвержению. По незначительному поводу и без него он испытывает чувство, что другие смотрят на него свысока и не принимают его всерьез. Что им безразлично его общество, и они фактически пренебрегают им.

Будучи не в состоянии принимать себя таким, каков он есть, он не способен поверить, что другие, зная все его недостатки, могут отнестись к нему с дружбой и принятием. То, что он переживает в глубине, является гораздо более острым и может породить непоколебимое убеждение, что другие просто презирают его. И такое убеждение может жить в нем, хотя он не осознает даже следа презрения к себе. Однако внешне это ощущение выражается в том, что невротик, по словам Хорни, "бессознательно заинтересован рассматривать других в качестве обидчиков".

В подтверждении этого можно привести отрывок из разговора Есенина с Надеждой Вольпин, которая заметила эти мучающие поэта противоречия еще в 1920 году:

— Почему все так меня ненавидят? — спрашивает с тоской Есенин...

— Кто «все»?

— Да хоть эти молодые поэты, что вертятся вокруг вас...

— Поэты? Что вы! Все они очень вас любят. Даже влюблены, как в какую-нибудь певицу...

Я не придумала свое утешение. Однако как жадно Есенин ловит мои слова! И хочет и боится им поверить. А во мне, хоть я еще не прочла ни строчки по психиатрии, уже сейчас, летом 1920-го, складывается мысль, что в нем притаилась душевная болезнь. Нет, уж лучше пусть смотрит Нарциссом в зеркало на свои ржаные волосы, любовно их расчесывая, чем эта вьевшаяся в душу мысль, будто все вокруг ненавидят его!"

Все, конечно, Есенина не ненавидели, а относились вполне благожелательно к нему, а многие даже любили. Но внешняя жизнь Сергея была неопределенной и необеспеченной. Из-за конфликта с Мариенгофом, Есенин не мог рассчитывать на

постоянный доход от кафе или имажинистского издательства. Жить оставалось только на гонорары за свои стихи. Однако большевистские издательства не спешили публиковать произведения поэта. Есенин никак не мог издать "Москву кабацкую". Безденежье постоянно терзало поэта, и Бениславскую поражало, насколько мучительно было для него это добывание денег. "Писать он не был в состоянии, – вспоминала она, – так как пил без передышки. По редакциям ходить, устраивать свои дела, как это писательские середняки делают, в то время он не мог... Его гордость не мирилась с неудачами, с получением отказа. Поэтому, направляясь в редакцию, он напрягал все нервы, чтобы не нарваться на отказ".

Есенину платили как второстепенному поэту построчно. А новых стихов не было. Сергей не мог это выдержать. Ему, первому поэту России, платят гроши, а Демьян Бедный, сочинитель революционных агиток Госиздате получил 35000 рублей за собрание сочинений! Сергей буквально благим матом орал: «Отдай, отдай мои деньги!». Измотанный от бесконечного ожидания денег, Есенин, наконец-то, получив их непосредственно из редакции, попадал в пивную или ресторан. Потом приезжал ночью пьяный и без денег.

Скандалная известность "дела четырех поэтов" вызвала негативное отношение к Есенину со стороны некоторых интеллигентных представителей литературных кругов. Есенин позволял себе иметь мнение по любому вопросу, и не всегда оно было лестным для партийных руководителей. В отличие от многих, он высказывался вслух. Скоро к нему приклеили ярлык врага Советской власти. Это возмущало поэта.

– Если бы я был контрреволюционером, – говорил Есенин Вольфу Эрлиху, – держал бы себя иначе! Просто я — дома. Понимаешь? У себя дома! И если мне что не нравится, я кричу! Это — мое право. Именно потому, что я дома. Белогвардейцу я не позволю говорить о Советской России то, что говорю сам. Это — мое, и этому я — судья!

В. Ходасевич писал об этом периоде жизни Сергея Есенина: «Как это публично делал Есенин, не могло и в голову прийти никому в Советской России; всякий сказавший десятую долю того, что говорил Есенин, давно был бы расстрелян».

Такая независимость поэта многим не нравилась. Начались даже провокации против него, в которых старались выставить его "антисемитом", чему пьяный Есенин сам способствовал. 20 января Есенин поскандалил в кафе с неким Ю. Эрлихом, попутно обругав милиционеров". 9 февраля, после выхода из санатория, к Есенину около 2-х

часов ночи в "Стойле Пегаса" прицепился некий Семен Абрамович Майзель, который назвал поэта "известным скандалистом Есениным" и спросил у него, как пишет Сергей в протоколе допроса: "против ли жидов я или нет, на что я выругался, послав его по матушке, и назвал его провокатором". Возбужденный поэт снова кричал и скандалил с посетителями, отказывался выходить из кафе, и назвал участкового милиционера «взяточником, мерзавцем» и ругался площадной бранью. А приблизительно через месяц, в присутствии Кати, сестры поэта, Есенина стали избивать двое неизвестных. Вмешалась милиция, всех доставили в отделение. Эти двое оказались братьями Нейманами, которые предъявили удостоверения сотрудников ГПУ и их немедленно отпустили, а Сергея держали потом некоторое время и тоже отпустили, не приняв никаких мер. Есенина подстрекали, избивали, грабили, а газеты и журналы вновь постоянно провоцировали Есенина, обвиняя его в антисемитизме, хулиганстве, пьянстве. Ему был объявлен бойкот со стороны еврейской интеллигенции.

С другой стороны невыдержанный в подпитии Есенин постоянно кричал на милицию: "Взяточники! Сволочи! Паразиты!". Все это тоже подводило его под статью об оскорблении органов власти. У Сергея в связи с провокационными приводами в милицию развилось чувство маниакального преследования. Он все время боялся, что за ним следят, что его преследуют, что его хотят похитить. Поэтесса Елизавета Стырская, жена знаменитого сатирика Эмиля Кроткого, говорила, что "Есенин все еще боится, что его похитят, завел себе револьвер и ходит с ним днем и ночью». С револьвером Есенин не расставался и во время своей поездки в Ленинград. В любой момент Есенин ждал провокации или ареста, и связанных с ними неприятных приводов в отделение. В. Наседкин пишет, что "Больше всего Есенин боялся...милиции и суда".

А с другой стороны Сергей не мог жить без скандалов. "Часто они вызывались просто озлоблением, – писала С. Виноградская, – ответом на то, что его прозвали скандалистом. Все равно, мол, считают хулиганом, так уж буду хулиганить. А услужливые «друзья» уж тут как тут, подхватывали это настроение. Они умели и пожить, и попить, и поскандалить за его счет, а когда их требовали к ответу — укрыться за его спиной".

4. "Я не знаю: мой конец, близок ли, далёк ли..."

Выйдя из санатория, Есенин начал понимать серьезность нависшей над ним

опасности. В этой ситуации неприкаянности и травли он готов был принять любую помощь. И помощь пришла, от женщины, которая немного была влюблена в Сергея. В феврале 1924 года, ночью, Есенин ехал на извозчике домой в довольно сильном подпитии. Вдруг ему что-то показалось. Он остановил возницу, полез за видением в проем полуподвального этажа, разбил стекло и глубоко поранил правую руку. Его отвезли в Шереметьевскую больницу (сейчас Институт имени Склифосовского). Однако профессору Герштейну, лечащему врачу Есенина, позвонили из милиции, что Есенин подлежит заключению под стражу и чтобы туда, в милицию, сообщили о дне выхода его из больницы. Герштейн, хорошо относившийся к Есенину, как врач понял состояние поэта и предупредил об этом Бениславскую. Через неделю после пореза руки, когда было ясно, что опасности никакой нет, Галя обратилась к Герштейну с просьбой продержат Есенина возможно дольше в больнице, а сама помчалась за помощью к Анне Абрамовне Берзинь, редактору отдела крестьянской литературы Госиздата.

Сестра поэта Екатерина вспоминала: «Не помню, как появилась в нашем доме Анна Абрамовна Берзинь. Светло-русская, с голубыми глазами, высокого роста и всегда с улыбкой, она почти ежедневно стала бывать у нас. Работала она в Госиздате, принадлежала МАППу и была знакома почти со всеми литературными группами и много знала о каждой в отдельности». Участница гражданской войны, знакомая с ответственными работниками ВЧК-ОГПУ, эта благообразная революционерка вступала в интимную связь со многими ответственными большевиками, с Наркомвоенмором Грузии Элиавой, заведующим сектором ЦК РКП(б) Илларионом Вардиным, писателем Бруно Ясенским, вторым ее мужем».

Анне Берзинь, пришедшей как-то в "Стойло Пегаса" со своим спутником, поведение впервые увиденного ею Есенина показалось бесцеремонным, и она высказала свое недовольство. Но сразу вслед за этим ей стало "жалко, что обидела этого большого ребенка". Анна Берзинь была искренне увлечена поэзией Есенина. Конечно, чувство восхищения было тесно переплетено с установкой на подчинение поэта определенной идеологической линии. Как поэт он был нужен большевикам в их борьбе за новую литературу. В своих воспоминаниях Берзинь представляет себя женщиной, преданной великому поэту: «В мою жизнь прочно вошла вся прозаическая и тяжелая — изнаночная — сторона жизни Сергея Александровича. О ней надо рассказать подробно и просто, рассказать так, чтобы стало ясно, как из женщины, увлеченной молодым

поэтом, быстро минуя влюбленность, я стала товарищем и опекуном, на долю которого досталось много нерадостных минут, особенно в последние годы жизни Сергея Александровича».

Сохранилась дарственная надпись Есенина Берзинь на книге «Березовый ситец» (М., 1925):

«Самые лучшие минуты
Были у милой Анюты,
Ее взоры, как синие дверцы,
В них любовь моя, в них и сердце»

Анна Абрамовна проявила трогательную заботу о Сергее во время пребывания его в Шереметевской больнице. В ней было исключительно хорошо, несмотря на сравнительную убогость обстановки. Там была самая разнообразная публика, начиная с беспризорника, потерявшего ногу под трамваем, кончая гермафродитом, ожидавшим операции. Есенин, как всегда в трезвом состоянии, всеми интересовался, был спокойным, прояснившимся, как небо после слякотной серой погоды. Первое время к Есенину никого не пускали, а потом Берзинь с Ройзманом отправились его навестить.

В то время поэт мучился, не имея отдельной комнаты, и вопрос о жилище был для него самым насущным. Анна Абрамовна обнадежила Сергея, пообещав ему отдельную комнату. Затем Есенин попросил позвать к себе беспризорного мальчика, который повредил себе ногу и передвигался на костылях и попросил его спеть жалостливые песни. Сергей всегда относился к беспризорникам с большой нежностью, общаясь с ними при первой возможности. Жалость, которую Есенин постоянно испытывает к беспризорникам, являлась отражением его невозможности испытывать жалость к себе. Поэтому стремление к общению с униженными и оскорбленными, всегда давало поэту ощущение чувства успокоения его противоречивому внутреннему миру.

Бунт против принуждения со стороны окружающих его людей, травящих его и даже проявляющих заботу о его спасении, заставляет Есенина еще нежней относиться к беспризорным детям. В сущности, поэт был таким же беспризорным, скитаясь с квартиры на квартиру, не имея собственного угла. Вещи его, как известно, были разбросаны по всем городам России, от Ленинграда до Баку. Он их не мог никогда

собрать, они пропадали целыми чемоданами, его обкрадывали немилосердно, а он не делал никаких почти попыток уберечь их, раскидав свои вещи и рукописи по друзьям.

Благодаря хлопотам Берзинь Есенина перевели в Кремлевскую больницу, куда доступа милиции не было. Заботы Анны Абрамовны не прекратились и там. Она часто навещала Сергея, прекрасно умела занять и развеселить его. Но и в Кремлевской больнице Есенина не покидало чувство горечи и страдания. Софья Виноградская и Яна Козловская, как-то навестив поэта в Кремлевке, услышали новое, покаянное стихотворение поэта:

Годы молодые с забубенной славой,
Отравил я сам вас горькою отравой.

Я не знаю: мой конец близок ли, далек ли,
Были синие глаза, да теперь поблекли.

Где ты, радость? Темь и жуть, грустно и обидно.
В поле, что ли? В кабаке? Ничего не видно.

"Он не читал его, – пишет Виноградская, – он хрипел, рвался изо всех сил с больничной койки, к которой он был словно пригвожден, и бил жесткую кровать забинтованный рукой. Перед нами был не поэт, читающий стихи, а человек, который рассказывал жуткую правду своей жизни, который кричал о своих муках". Закончив чтение, поэт в изнеможении опустил на подушки, провел рукой по лицу, по волосам и сказал про свое стихотворение:

- Что мне остается? Вот вырву из себя, напишу, оно и ушло от меня, и я остался ни с чем. Ведь при мне ничего не осталось.

Есенин как бы осознавал, что он находился на краю гибели, и еще немного, спасти его от самоуничтожения было бы нельзя. Спасали только стихи, в которых он изливал свои невротические конфликты, хотя он и чувствовал себя мучеником своих же стихов.

Осужден я на каторге чувств
Вертеть жернова поэм.

Он постоянно жил своими стихами. Психологические конфликты нарастали. По просьбе друзей поэта исследовал директор психиатрической клиники 1-го Московского Университета профессор П.Б. Ганнушкин. 29 марта он написал заключение:

"С. А. Есенин 28 л. Страдает тяжелым нервно психическим заболеванием (.....) выражающимся в тяжелых приступах расстройства настроения и в навязчивых мыслях и влечениях. Означенное заболевание делает гр. Есенина не отдающим себе отчета о совершаемых им поступках. Проф. Ганушкин». Сохранившаяся фотокопия документа была без подписи, да и фамилия известного психиатра немного искажена, но в истинности заключения сомневаться не приходится, так как аналогичный диагноз был поставлен Есенину тем же Ганнушкиным почти полтора года спустя.

Душевный кризис соединился с простым отсутствием обычного человеческого уюта. Возвращаться из Кремлевской больницы Есенину было некуда, и Анна Берзинь настояла, чтобы Есенин переехал на квартиру к её любовнику Вардину. Она и Вардин ликвидировали в суде дело о пьяном скандале в милиции, грозившее Сергею, может быть, тюрьмой. Во время пребывания у Вардина было написано стихотворение «Письмо матери», одно из самых загадочных, идущего из глубин подсознания стихотворений. Глубоко спрятанная, скрытая взаимная ненависть Сергея к его матери, рожденная на стадии вынашивания плода, цепями приковывает их друг к другу. Их взаимоотношения всегда были холодными и равнодушными. Сознанием Есенин понимает родителей, хочет любить свою мать. Он стремится найти успокоение для душевных переживаний в любви к матери, ощутить ее ласку, доброту и понимание. Но обращаясь к матери, он видит не ее, а свою старую бабушку Наталью Евтеевну:

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

Татьяна Федоровна старушкой не была. Ей исполнилось 49 лет, и она отличалась крепостью тела, суровым взглядом и твердым характером. Но Сергею необходимо было обратиться к человеку, с которым были связаны его самые светлые воспоминания детства. Когда Есенин прочел свое стихотворение ленинградским имажинистам и Наде Вольпин, то после заговорил о бабушке, которая его растила с двух лет, заменив малышу родную мать. "О ней, о бабушке, – писала Вольпин, – поэт рассказывал с глубоким чувством. Объяснил, что в «Письме...» и внутренне и внешне обрисована не мать, а бабушка. Это она выходила на дорогу в старомодном ветхом шушуне — для внука, прибежавшего за десятки верст из школы". Именно бабушка учила маленького Сережу молитвам, водила его в церковь и на богомолье. Только ей, своей любимой бабушке, он мог пожалиться на свою непутевую жизнь. Только ее он может успокоить, чтобы она там, в другой жизни, не беспокоилась о своем любимце:

Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.

.....

И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

5. Потеря веры в себя

Есенин чувствовал, что теряет свои позиции в поэзии. Оправившись после болезни, он лихорадочно ищет возможности влиться в различные литературные группы, возглавить свое собственное направление. Зимой 1924 года Есенин встречается с Н. Асеевым, одним из сподвижников Маяковского, и жаловался, что ему "не с кем" работать. "По его словам выходило, – вспоминает Асеев, – что с имажинистами он

разошелся, а "крестьянские" же поэты ему были не в помощь. Он говорил, что любит Маяковского и Хлебникова". Есенин пытался войти в группу "Леф", но на правах самостоятельного поэта.

– Я войду только с манифестом! – гордо говорит Есенин.

Одновременно, чтобы как-то определиться, получить самостоятельность, занять принадлежавшее ему по праву первое место на Советском поэтическом Олимпе. Рюрика Ивнева Сергей еще в санатории уговаривает войти в новую поэтическую группу, вместе с Грузиновым и "мужиковствующими" поэтами. Из альманаха "Россиянин" ничего не вышло. Тогда Есенин задумал издавать новый литературный журнал "Вольнодумец". Гордый своим замыслом, Есенин написал в апреле 1924 года короткое письмо в правление Ассоциации Вольнодумцев:

"Совершенно не расходясь с группой и работая над журналом «Вольнодумец», в который и приглашаю всю группу.

В журнале же «Гостиница» из эстетических чувств и чувств личной обиды отказываюсь участвовать окончательно, тем более что он Мариенгофский.

Я капризно заявляю, *почему Мариенгоф напечатал себя на первой странице, а не меня*".

Есенина начинало угнетать стремление Мариенгофа играть первую роль в имажинизме. Пока Сергей был за границей, Анатолий приобрел большое влияние в Ассоциации вольнодумцев. Кафе практически принадлежало ему, так же как издательство и журнал "Гостиница для путешествующих в прекрасное". Есенин пытается бороться с влиянием Мариенгофа. Он хочет объединить под своим руководством всех более или менее талантливых писателей и поэтов. Касаткина, Чапыгина, имажинистов, кроме Мариенгофа, "крестьянствующих" поэтов, талантливых писателей из "Красной нови".

В этот период, когда Есенин жил на квартире Вардина, под ласковой заботой Анны Абрамовны, он по словам Вс. Иванова "не казался мне мрачным, обреченным. Это был человек, который пел грустные песни, но словно не его сочинения. Казалось, он много сделал и очень доволен". Период тяжелой депрессии и фрустрации всех своих желаний, связанных с ощущением непризнания его как мирового поэта прошли. Саморазрушающие импульсы и действия в его жизни, такие как пьянство, скандалы, постоянное утешение самолюбивой гордости в компании пьяных собутыльников и божественных поэтов немного успокоились. Жизнь стала постепенно возвращаться в

прежнее русло активного поиска славы и получения всеобщего признания. Как Нарцисс, стоя перед зеркалом, Есенин любил повторять:

– Как поприумоюсь, да поприоденусь, да попричешусь, так что твой барин стану. – Люблю кривые зеркала, – как тобой кто залюбуется, ты и думаешь: «А что, взял?»»

Сергею, действительно казалось, что он вновь возвращается к литературной славе. Молодые поэты окружают его, внимая голосу своего метра. Вольфу Эрлиху Есенин говорил: "Знаешь почему я – поэт, а Маяковский так себе – непонятная профессия? У меня родина есть. У меня – Рязань! Я вышел оттуда, и какой ни на есть, приду туда же! А у него шиш! Вот он и бродит без дорог, а ткнуться ему некуда".

Два великих поэта не очень любили друг друга и ревниво относились к обоюдной славе, стремились создать себе имя за границей, даже в любовницы старались выбрать известных женщин. В ответ на каверзы Есенина Владимир Маяковский писал о своем сопернике: "Была одна новая черта у самовлюблённейшего Есенина: он с некоторой завистью относился ко всем поэтам, которые органически спаялись с революцией, с классом и видели перед собой большой и оптимистический путь".

Такие отношения, однако, не помешали Есенину вновь встретиться с Маяковским и обговорить с ним элементы дальнейшего сотрудничества. Они встретились в кафе на Тверской. "Есенин был горд и заносчив, – писал Н. Асеев, – ему казалось, что его хотят вовлечь в невыгодную сделку". Хотя сотрудничество с Маяковским не получилось, Есенину наконец-то удается пристроить "Москву кабацкую". Он вышел на руководителя ленинградского отделения Госиздата Ионова — шурина Зиновьева, который пообещал издать книгу, но за деньги. Посредники решили устроить в Ленинграде авторский вечер Есенина, выручки от которого должно было хватить, чтобы расплатиться за издание сборника.

"Широко раскрытыми неподвижными глазами, – вспоминал Пяст этот первое выступление Есенина в Ленинграде, – глядели слушатели на певца и ловили каждый его звук. Они не отпускали его с эстрады, пока поэт не изнемог. Когда же он не мог уже выжать больше ни звука из своих уст,— толпа схватила его на руки и понесла, с шумными восклицаниями хвалы,— вон из зала, по лестнице вниз, до улицы". Какая-то ярая поклонница Сергея стала расшнуровывать один из ботинок Есенина, желая, видимо, унести с собой шнурок в качестве сувенира. Другая решила снять с поэта

галстук, воспользовавшись его беспомощным состоянием на руках у поклонников и поклонниц. Энергичная девица ухватила за нижний конец галстуки и сильно потянула его к себе. В результате возникла удавка. Есенин стал задыхаться, лицо его побагровело. С трудом удалось вырвать поэта из рук разошедшихся девиц...Есенина долго не отпускали. Молодежь толпой взобралась на эстраду и окружила его. Он стоял на стуле, уже в шубе, с меховой шапкой в руках, сникший, совсем охрипший, среди возбужденных юных лиц.

«Вечер прошел изумительно, – писал Есенин на следующий день Гале. – Меня чуть не разорвали». А "вырученной от вечера суммы с лихвой хватило, – отмечает Романовский, – чтобы рассчитаться за издание «Москвы кабацкой» .

Встретившись с Чернявским на квартире у Сахарова (Гагаринская, 12) Сергей хвалил своих новых товарищей-имажинистов. Видимо, он рад был чувствовать себя их главой и покровителем. Хотел даже окончательно переехать в Питер, который ему всегда был роднее, чем истрепавшая его Москва. Тут, думалось ему, можно начать новое издательское дело, а самое главное, можно спокойно работать. Чернявский верно передал в своих воспоминаниях невротические переживания и самообвинения Сергея, вызванные его внутренними конфликтами и алкогольной болезнью. "Больше всего было воспоминаний.. отбрасывая эту язвящую его тему, он за новым стаканом возвращался к ней опять, то с болью укоряя, оплевывая самого себя, то с нарочитой бранью обвиняя других, то рассказывая, как он был жесток и груб, то ударяя кулаком по столу и уверяя, что «нельзя, нельзя было иначе»....

Когда я попытался попросить.. не так пьянствовать и побережь себя, он вдруг пришел в страшное, особенное волнение. *«Не могу я, ну как ты не понимаешь, не могу я не пить... Если бы не пил, разве мог бы я пережить все, что было?..»*

Чем больше он пил, тем чернее и горше говорил о том, что все, во что он верил, идет на убыль, что его «есенинская» революция еще не пришла, что он совсем один. И опять, как в юности, но уже болезненно сжимались его кулаки, угрожавшие невидимым врагам и миру, который он облетел в один год и узнал «лучше, чем все». И тут, в необузданном вихре, в путанице понятий закружилось только одно ясное повторяющееся слово:

— Россия! Ты понимаешь — Россия!

В этом потоке жалоб и требований был и невероятный национализм, и полная растерянность под гнетом всего пережитого и виденного, и поддержанная вином

донкихотская гордость, и мальчишеское желание драться, но уже не стихами, а вот этой рукой... С кем? Едва ли он мог на это ответить, и никто его не спрашивал".

На некоторое время Есенин уезжал в Москву и снова возвращался в Ленинград — все еще без вещей, как постоялец с одним чемоданом... Ему казалось, что он живет тихо, реже пьет и может хорошо работать. Но на самом деле как и в Москве Сергей был окружен вереницей случайных друзей, которые и здесь наперебой помогали ему «расшатываться и пропадать». Не напоить Есенина, не выпить с ним казалось почти неприличным.

Незадолго до очередного отъезда, утром, едва проснувшись, Есенин читал своему старому другу в постели только что написанную им «Русь советскую», рукопись которой с немногими пометками лежала рядом на ночном столике. Она наполнена переживаниями поэта о том, что слава его уходит, что его перестают читать, что он уже не нужен своей стране. Чувство ущемленного самолюбия резко проявилось в этом произведении:

Ах, родина! Какой я стал смешной.
На щеки впалые летит сухой румянец.
Язык сограждан стал мне как чужой,
В своей стране я словно иностранец.
.....
Вот так страна! Какого ж я рожна
Орал в стихах, что я с народом дружен?
Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

Однако Есенин даже в своей бесконечной круговерти за славой не собирается получить ее путем Демьяна Бедного. Да это и не слава, быть лакействующим поэтом у властей предержавших. Есенину была нужна слава настоящая, всенародная, общероссийская. Ради нее он готов все принять и все понять, но не допустить никого в тайники своего поэтического мира:

Приемлю все. Как есть все принимаю.
Готов идти по выбитым следам.

Отдам всю душу октябрю и маю,
Но только лиры милой не отдам.

"Его томила тревога, – вспоминает Чернявский, – он поеживался и, привставая на постели, порывисто сжимал мне руку. Он опять говорил, что у него «все, все отняли», что новое, чужое ему «повсюду, понимаешь, повсюду», что у него нет сил терпеть и видеть свое одиночество.

— Не могу, Володя, не могу!..

Его голые руки дрожали мелкой дрожью, в расширенных глазах стояли слезы".

6. Стихи высасывали все его соки

Есенин почти все лето проводит в Питере. Выступает на поэтических вечерах, гуляет по Ленинграду, возится со своими молодыми поэтами, много работает, пишет "Песнь о великом походе". Однако не избежал Сергей и традиционных скандалов, без которых не мог жить, "не успел он сойти с Октябрьского вокзала, – вспоминал Лев Клейнборт, – как рассказывали уже про дебош, который он устроил в квартире Ходотова. Сидя рядом с артисткой, он, – уже во хмелю, – сказал ей из ряда выходящую сальность. Кто-то закатил ему пощечину. Есенин, понятно, ответил, и началась драка... Наконец, улучив момент, он содрал скатерть со стола, перебив все, что стояло на нем. Это рассказывал мне Чапыгин. А на другой день Клюев сообщал уже мне про дебош, имевший место в одном из притонов тех лет. Здесь уже с ним не поцеремонились. Избив его до потери сознания, его сбросили со второго этажа вниз; быть может, и приколоты бы, если бы, наконец, кто-то не опознал его в лицо...

Все говорило о том, что поэт, чье имя было у всех на устах, переживал провал всей жизни. Все говорило не о простом падении, но и о крахе большого сердца. А придя к Есенину в гости, на Гагаринскую, Клейнборт ужаснулся внешнему облику Есенина – "голова была перевязана, под глазами синяки. Очевидно, он беспросветно пил. Во всех чертах лица, во всем облике таилась обреченность".

Такое же впечатление осталось и у Всеволода Рождественского. Он отмечал, что после разговоров на литературные темы и воспоминаний Есенин оживлялся, но ненадолго. Глубокая задумчивость опять охватывала его. Лицо становилось серым, словно от непреодолимой усталости. "За ним вообще после возвращения из-за границы

стали замечаться некоторые странности. Он быстро переходил от взрывов веселья к самой черной меланхолии, бывал непривычно замкнут и недоверчив. Сколько раз говорил он, что жизнь опережает его и что он боится оказаться лишним, остаться где-то в стороне».

– Пожелайте мне лучше смерти, – сказал Есенин на прощанье Л. Клейнборту. В его словах и лице была страшная тоска. В мае 1924 года умер поэт Александр Ширяевец. Впечатленный смертью своего друга, Есенин пишет стихотворение, посвященное его памяти, но в котором он говорит больше о себе и своем восприятии жизни и смерти

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.

Есенин выразил все свое пережитое и передуманное, которое не обозначишь одним словом. "Он злился за то, – вспоминает Виноградская, – что все свои мысли, все свои чувства выливал в стихах, не оставляя тем самым ничего для себя. Не писать он не мог. А в промежутках между писанием он хворал, пил... Они словно высасывали из него все соки...После стихов он искал забвенья от скуки, тоски".

Забота о своем звании первого поэта России заставляла Есенина постоянно сравнивать себя с Пушкиным. Есенин никогда не расставался с ним, чтение стихов Пушкина рождало в его душе восторг и чувство зависти. Пушкинская легенда и живой пушкинский образ постоянно стояли перед Сергеем. Он не только стремился писать как Пушкин, но и походить на него внешне. Многие современники замечали какое-то маниакальное стремление Есенина походить на "солнце русской поэзии". Постоянно ходил в цилиндре и пушкинской крылатке, свисающей с плеч почти до земли. Есенин и сам понимал смехотворность своего поведения. Миклашевская вспоминала, как в день своего рождения, "вымытый, приведенный в порядок после бессонной ночи, вышел к нам Есенин в крылатке, в широком цилиндре, какой носил Пушкин. Вышел и сконфузился. Взял меня под руку, чтобы идти, и тихо спросил: «Это очень смешно? Но мне так хотелось хоть чем-нибудь быть похожим на него...»

А 6 июня, в день рождения своего любимого поэта, Есенин прочел около памятника Пушкина на Тверской стихотворение, в котором демонстративно и "дерзко" обращался к памятнику как к своему напарнику по поэтическому ремеслу:

Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший как туман,
О Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган.

.....

А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.

И вот в этот период, когда Есенин постоянно равняется на Пушкина, сравнивая себя, Сергея, "хулигана" с "повесой" Александром, была предпринята попытка зачислить его, Есенина, вторым, и по отношению к кому? К Мариенгофу. Сильное воздействие на психику и самолюбие Есенина оказывало грубое и бесцеремонное поползновение Мариенгофа на ранее никем не нарушаемое первенство Есенина в группе. Мало того, что Анатолий отгеснил Сергея от материальных благ, он уязвил самолюбие Есенина и поэтически, разместив его «Москву кабацкую» на восьмой странице своего журнала, и поставив его подпись под "Манифестом" имажинистов на пятом месте.

Пользуясь отсутствием Есенина, Мариенгоф прибрал к рукам все финансовые дела и практически отстранил Есенина от дел. Имажинисты, старые друзья Сергея, не очень стремились перейти на его сторону, держать ближе к Мариенгофу. А последний задумал открыть новое, свое собственное кафе – "Калоша". Благодаря своим связям Мариенгоф заручился поддержкой большевистского руководства. Помогали ему в создании нового кафе практически все имажинисты. Сергей постепенно прозревал, что Анатолий постепенно отнимает у него и материальные блага, и первенство в деятельности всей Ассоциации. Мариенгоф действовал осторожно, оставаясь в тени. Да и все окружение поэта было тесно связано с Мариенгофом и зависело от него. Не теряя дружбы с Есениным, они больше дорожили связями Мариенгофа и его "деловой"

хваткой. Есенин понял все, когда начались разговоры о закрытии "Стойла".

Из Ленинграда он жаловался Гале Бениславской: "Со «Стойлом» дело не чисто. Мариенгоф едет в Париж. Я или Вы делайте отсюда выводы. Сей вор хуже Приблудного Мерзавец на пуговицах — опасней, так что напрасно радуетесь закрытию. А где мои деньги? Я открывал Ассоциацию не для этих жуликов". Еще более резко Есенин охарактеризует Мариенгофа в письме к Рите Лившиц, с которой у него сложились интимные отношения. "Не боюсь я этой мариенгофской твари и их подлости нисколечко".

Разрыв с Мариенгофом становился все более очевиден. "Вслед за литературными путями разбежалась у нас с Есениным дорога дружбы и сердца, — пишет сам Анатолий, и подробно рассказывает об этой встрече.

"Я только что приехал из Парижа. Сидел в кафе. Слушал унылое вытье толстой контрабасной струны. Никого народу...

Неожиданно вошел Есенин... не здороваясь, подошел к столику, за которым я сидел. Заложил руки в карманы и, не произнося ни слова, уперся в меня недобрым мутным взглядом...

Он тяжело опустил руки на столик, нагнулся, придвинул почти вплотную ко мне свое лицо и, отстукивая каждый слог, сказал:

– А я тебя съем!

Есенинское «съем» надлежало понимать в литературном смысле".

Действительно, Сергей попытался "съесть Мариенгофа, когда 24 августа написал резкое письмо в адрес "Ассоциации", в котором говорил, что "очень рад, что мы разошлись. Но где у Вас задница, где голова понять трудно. Неужели вы не додумались (когда я Вас вообще игнорировал за этот год), что не желал работать с Вами и уступил Вам, как дурак".

После этого Есенин полностью решает порвать с имажинизмом, и 31 августа в газете "Правда" появилось письмо за подписью Есенина и Грузинова о роспуске группы "имажинисты". Письмо о разрыве с имажинистами было напечатано в "Правде" неспроста. Возможность работать и печататься была гарантирована Есенину, если он порвет со своим "хулиганским" прошлым, и встанет на новые позиции пролетарской литературы. И хотя еще в апреле Сергей говорил, что "отдам всю душу октябрю и маю, но только лиры милой не отдам", но уже за лето 1924 года он написал поэму "Песнь о великом походе", "Поэму о 36", которые начали цикл его произведений, связанных с

революцией. Опекуны Есенина: Вардин, Берзинь, Ионов были довольны.

Конечно, Есенин не пошел на беспринципную сделку, не стал воспевать революцию стандартными и громогласными лозунговыми стихами, но первый шаг к признанию его как первого советского поэта был сделан. Слава, она очень приятная штука. Только она может взбодрить и немного успокоить нервное расстройство Есенина от ощущения никчемности и ненужности, которое он выразил в "Руси Советской". Теперь "Русь Советская" протянула ему руку помощи, правда, не бескорыстно. В политической борьбе среди большевистского руководства поэтическое мастерство Есенина должно было сыграть не последнюю роль.

7. Измены Есенина и невращения Бениславской

Есенин был очень благодарен Гале в тот период, когда вернулся усталый и истерзанный из-за границы. В тяжелейшую пору душевного кризиса от ущемленного самолюбия и крушения надежд на первенство в поэзии, Есенин тянулся к Гале, как утопающий хватается за соломинку. Но обхаживание его остальными девушками, подругами Гали, также тешило его самолюбие. Еще в больнице, когда к нему приходили девушки, Сергей не только читал им стихи, но и возбуждал в них взаимную ревность. Надя Вольпин рассказывает, как Есенин смеялся над Женей Лившиц, так и склонив ее на "реальную любовь".

— Она будет мужу любовь аршином отмерять,— шутил Сергей, а Галя со своими подружками довольно хихикала.

В другой раз, в морозный вечер, пьяного Сергея Надя Вольпин еле довезла до Брюсовского. Бениславская даже удивилась, увидев свою соперницу. В квартире суется и Соня Виноградская и Аня Назарова. Есенин не отпускает Надю, которая наблюдает странную картину. "И вот он возлежит халифом среди сонма одалисок... идет глупейшая игра. «А он не бешеный?», «Пощупаем нос. Если холодный, значит, здоров!» И девицы наперебой спешат пощупать — каждая — есенинский нос. «Здоров!», «Нет, болен, болен!», «Пусть полежит!».

Есенин отбивается от наседающих «ценительниц поэзии».

— Нет, ты, ты пощупай! — повернулся он вдруг ко мне, и сам тянет мою руку к своему носу.

Прекращая глупую забаву, я тихо погладила его по голове, под злобным

взглядом Галины коснулась губами век..."

Однако уже после выхода из больниц, Есенин, получивший покровительство Анны Абрамовны Берзинь, несколько равнодушно стал относиться к беспокойным заботам Гали. Друзья Есенина озабочены подыскать ему «сильную подругу», такую, чтоб могла удерживать от пьянства. Стали возлагать надежду на Берзинь. Изверились и в Надежде Вольпин и в Гале Бениславской. Сергей также поддавался на влияние Анны Абрамовны, отправляя ей полулюбовные, полусыновьи письма, видимо встречаясь с ней, когда жил на квартире у Вардина:

4 апреля, Москва: "Милая Анна Абрамовна!

Ваше вчерашнее внезапное исчезновение и то, что Вас сегодня нет на службе, немного беспокоит меня. Что с Вами?..Сегодняшний вечер у нас свободен, был бы страшно рад видеть Вас".

14 августа, Константиново: "Ночи у нас бывают чудные, лунные и, как ни странно, при близкой осени — безросые. Но все они проходят без любви, и мне остается вспоминать только прошлое".

3 сентября, Москва: "Милая, любимая Абрамовна.

Прости, прости...

Люблю тебя, люблю".

Между Берзинь и Бениславской возникла даже какая-то ревность и спор за устройство поэта и ограждению его от неприятностей. Однако женщины мало волнуют Есенина. Новые литературные планы, борьба с имажинистами, стремление организовать издание своих произведений вынуждают Есенина срочно покинуть Москву. Несмотря на психологическое облегчение, появившийся интерес к жизни, новые творческие планы, состояние Есенина по-прежнему беспокоит Галю Бениславскую.

"Милый, хороший Сергей Александрович! Хоть немного пощадите Вы себя. Бросьте эту пьяную канитель, – пишет Бениславская Есенину вслед за его отъездом. – То, что сейчас с Вами, все эти пьяные выходки, весь этот бред, все это выворачивание души перед «друзьями» и недругами, что это?.. У Вас ведь расстройство души... Сразу же идите домой, запирайтесь, и довольно, ведь не могу же я за Вас делать то, что Вы и только Вы один можете сделать — не выходить, не показываться в «общество»...

Вы сейчас какой-то «не настоящий». Вы все время отсутствуете. И не думайте,

что это так должно быть. Вы весь ушли в себя, все время переворачиваете свою душу, свои переживания, ощущения. Других людей Вы видите постольку, поскольку находите в них отзвук вот этому копанию в себе... Вы разучились вникать в мысли, Вашим мыслям несозвучные... Вы по жизни идете рассеянно, никого и ничего не видя. С этим Вы не выберетесь из того состояния, в котором Вы сейчас. И если хотите выбраться, поработайте немного над собой...

Я сейчас на краю. Еще немного, и я не выдержу этой борьбы с Вами и за Вас... Вы сами знаете, что Вам нельзя. Я это знаю не меньше Вас. Я на стену лезу, чтобы помочь Вам выбраться, а Вы! Захотелось пойти, встряхнуться, ну и наплевать на все, на всех... Хожу через силу... Покуда Вы не будете разрушать то, что с таким трудом удается налаживать, я выдержу...»

В ответ Есенин пишет успокаивающее письмо, сразу же после своего триумфального выступления в доме Лассалья.

"Галя милая!.. Я очень и очень извиняюсь, что уехал не простясь с Вами. Уехал же я потому, что боялся, как бы Петербург — не остался для меня дальше Крыма.

Галя милая! Я очень люблю Вас и очень дорожу Вами. Дорожу Вами очень, поэтому не поймите отъезд мой как что-нибудь направленное в сторону друзей от безразличия. Галя милая! Повторяю Вам, что Вы очень и очень мне дороги. Да и сами Вы знаете, что без Вашего участия в моей судьбе было бы очень много плачевного....

Правда, это гораздо лучше и больше, чем чувствую к женщинам.

Вы мне в жизни без этого настолько близки, что и выразить нельзя".

Сергей уже начал постепенно осознавать и намекать Гале, что она является для него больше другом, чем любовницей. Женщины интересовали Сергея постольку поскольку, но когда в нем появлялось "желание", он отдавался ему без угрызений. Почти все лето Сергей не виделся с Галей. Два раза ездил в Константиново, жил и работал все лето в Питере. Бениславская так же ездила к родителям Сергея, отдохнуть на природе. Сергей часто писал ей письма из Питера о своем житье-бытье, успокаивая слишком заботящуюся о нем девушку. А Вольфу Эрлиху в Питере Есенин постоянно говорил:

"— Ну так вот! Галя — мой друг! Больше, чем друг!

Галя — мой хранитель! Каждую услугу, оказанную Гале, ты оказываешь лично мне!"

Гале было трудно и одиноко. До Есенина она была близка с сотрудником

"Бедноты" Сергеем Петровичем Покровским. Он был женатый человек, и когда Сергей долго отсутствовал, Галя иногда встречалась с ним. Есенин ревновал, а Галя была грустна и оправдывала себя тем, что Сергей не любит ее. Поэтому она и встречалась с Покровским. Своей старшей сестре Есенин прислал по этому поводу пьяное письмо, где требовал немедленного ухода от Гали. «Уйди тихо, – писал он Кате, – у Гали своя личная жизнь и ей мешать не надо».

В ответ на "измену" Бениславской Сергей вновь встречается со своими бывшими "любовницами". О своих любовных похождениях он довольно весело и развязно писал в августе 1924 года А. Берзинь:

"Прошу Вас, ради бога, сообщите отцу (Вардину), что я опять застрял на любовной ночи.

Клянусь Вам, маман, я у Миклашевской".

Несмотря на то, что Сергей не раз вспоминал о своих прежних увлечениях, Галя, внутренне ревнуя, внешне спокойно переносила его измены, не ссорясь с есенинскими избранницами. Однажды Иван Грузинов попросил Надю Вольпин приютить пьяного Есенина. Надя, уже беременная от Сергея, возмутилась, а мягкий и доброжелательно относящийся к Есенину Грузинов сказал:

— Поймите, тяжело ему с Галей! Она же...

— Знаю: любит насмерть женской любовью, а играет в чистую дружбу!

Так же как и Дункан, Бениславская не видела смысла жизни без Есенина. Он был ее главным центром существования. Все ее планы и вся ее жизнь после работы была сосредоточена на идее "спасения" любимого от негативных воздействий внешнего мира. Практически Галя не живет собственной жизнью, а только ждет, как бы провести вечер с Сергеем, привести его домой, вырвать из рук пьяной компании. Ее мысли сосредоточены на понимании или помощи ему. Все ее личные увлечения и интересы отходят на задний план. Галя занимается его литературными делами, урезает себя в еде, когда у Есенина не было денег, отдавая последние деньги, которые Сергей пропивал. Она терпела бесконечные скандалы, ухмылки его "друзей", шум и постоянное присутствие различных прихлебателей. Все свои дела Галя забросила ради Сергея, привлекая в помощь своих подруг и знакомых. При всей своей критичности и уме, она начинает смотреть на многие события жизни глазами Есенина, постоянно оправдывая его поступки и питая неистребимую ненависть к пьянствующим "друзьям".

Даже Миклашевская без всякой ревности писала о Гале Бениславской: "Она

была красивая, умная... Смотрит внимательными глазами, немного исподлобья. Почти всегда сдержанная, закрытая улыбка. Сколько у нее было любви, силы, умения казаться спокойной. Она находила в себе силу устранить себя, если это нужно Есенину. И сейчас же появляться, если с Есениным стряслась какая-нибудь беда. Когда он пропал, она умела находить его".

Скрывая под маской дружбы яркую и страстную любовь, Галя, в отличие от Дункан, не обладала мазохистским чувством быть униженной партнером. Есенин никогда не унижал Галю, пальцем не тронул, но не мог не удержаться энергичному сопротивлению ее чувствам. Ее стремление помочь Сергею оскорбляет его чувство гордости. В ее "понимании" Есенина было слишком много потребности извинять и прощать; "и все же буду любить, – писала Бениславская, - буду кроткой и преданной, несмотря ни на какие страдания и унижения". Со своей стороны Сергей начинает ощущать ее как бы превосходство над собой в моральном плане и испытывает побуждение отвергнуть ее претензии. Однажды у Миклашевской он сказал Гале: «Ты мой лучший друг, но ты мне сейчас не нужна». И все же Есенин не может сделать решительного шага к разрыву и поддается ее уговорам.

Несмотря на все трудности, испытываемые Есениным, Галя читает, что в основном Сергей прав и нужно только помочь ему. У неё появляется потребность в его идеализации и в почти полном подчинении идее любви и спасения. Бениславская в своем "Дневнике" постоянно принижает свое Я, мечтая превратиться в "собачку" у ног Есенина. Поэтому любое отвержение ее Есениным, Бениславская воспринимает болезненно, усиливая свою неврастению. Конфликт усугублял болезнь Бениславской. Она уехала на лечение в Крым, где писала в своем "Дневнике".

"Я опять больна, находясь на отдыхе и лечении в Крыму. И, кажется, опять всерьез и надолго... Опять тоска по нем, опять к каждой мысли прибавляется это неотвязное ощущение его. Опять все скучны....

Вот, как верная собака, когда хозяин ушел — положила бы голову и лежала бы, ждала возвращения. Крым, Гурзуф. 1924."

Бениславская долго терпела измены Есенина, которые происходили у нее на глазах и с ее подругами. Сергей при этом откровенно говорил ей: «Галя, Вы очень хорошая, Вы самый близкий, самый лучший друг мне. Но я не люблю Вас как женщину. Вам надо было родиться мужчиной. У Вас мужской характер и мужское мышление». Длинные ресницы Гали на минуту закрывали глаза и потом, улыбнувшись,

она говорила: «Сергей Александрович, я не посягаю на Вашу свободу, и нечего Вам беспокоиться». Но на самом деле ее подчиненность Есенину не доходила до крайности. Она глубоко переживала, когда Сергей приводил в ее квартиру Риту Лившиц, и его сексуальные занятия происходили почти в ее присутствии. А потом Галя безропотно чинила после них кровать. На ее замечания Сергей откровенно заявлял как всегда, что Галя "как женщина, ему не нравится».

Преданность Сергею, уступчивость по отношению к нему, искренняя забота и любовь Бениславской все же не лишили ее определенной женской гордости. Галя говорила: "Или равной буду, или голову себе сломаю, но не подчинюсь". Эгоизм Сергея возмущал ее, тем более после его отъезда на Кавказ, она не могла, да и не хотела оставаться одна. После истории с Ритой, Бениславская считала, что не должна быть верной Есенину. "Зачем? – писала она. – Чего ради беречь себя? Так, чтобы это льстило ему?" Хотя прекрасно понимала, что Покровский – это только самообман. Но ей нужен был этот самообман; "я внушала себе и всему, – писала Галя, – что я должна была скрывать от Сергея, я могла давать волю с Покровским".

Окончательный разрыв между Сергеем и Галей еще впереди, а пока Есенин неожиданно срывается с места и едет на Кавказ, приют всех русских поэтов-изгнанников.